

18+Искандер Арысов

Первый Ребёнок

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

Первый Ребёнок. Проект «Сингулярность Арысова»

<https://litres.ru/74281787>

ISBN 9785007072038

Аннотация

Его зовут Первый Ребенок. Ему 13,8 миллиарда лет. Его Вечные Родители хотят ему только добра. Поэтому они применяют все методы великих педагогов от Сократа до Макаренко. Кричат. Любят. Требуют. Прощают. Ребенок сжимается в черную дыру. Его слезы — темная энергия, разрывающая Вселенную. Это роман-трагедия о воспитании, боли, прощении и хлебе, который забыли купить. О том, что чувствует ребенок, когда на него кричат. И о том, можно ли после этого не замерзнуть навсегда.

Содержание

Глава первая. Крик в вакууме	5
1. Парадокс вечных родителей	5
2. Сократовский диалог как пытка	8
3. Эпизод с виной: первый крах	11
4. Руссо и возвращение к природе	14
5. Педагогический эксперимент Сухомлинского: сердце вместо разума	17
6. Макаренко и коллектив	20
7. Педагоги новаторы и теория хаоса воспитания	23
8. Крик	25
9. Хроники замерзания	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Первый Ребёнок Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

Эпопея Вечных Родителей

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7203-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Крик в вакууме

1. Парадокс вечных родителей

Они проснулись за три миллиарда лет до Большого взрыва.

Точнее, они проснулись вместе с ним — в тот самый момент, когда сингулярность распустилась, как цветок папоротника, и из ничего возникло всё. Но для них это было просто утро. Обычное утро в доме без стен, без крыши, без времени, потому что их домом была сама реальность.

Некоторые философы из далекого будущего назовут это состояние «пред-родительским блаженством» — время, когда система воспитания еще не сформировалась, потому что не было воспитуемого. Вечные Родители существовали как чистая потенция, как идея любви, которая ищет объект. Они бродили по еще не родившимся измерениям, пробовали на зуб законы физики, обсуждали, какой должна быть идеальная форма для жизни.

«Жизнь должна быть разумной», — говорил Отец.

«Жизнь должна быть чувствующей», — поправляла Мать.

Они не спорили. Они дополняли друг друга. Их любовь была абсолютным резонансом.

Потом они решили создать Ребенка.

Его называли Первым Ребенком. Не потому, что он был первым из людей — люди появятся гораздо позже, и их судьба будет зависеть от него так же, как судьба ручейка зависит от таяния ледника на вершине. Не потому, что он был первым из всех возможных детей — детей было много, и каждый из них носил в себе отпечаток Первого. Он был первым Ребенком в принципе. Первым существом, которое способно было спросить «зачем?». Первым, для которого мир оказался не просто набором физических законов, а вопросом. Первым, кто проснулся однажды утром и понял: «Я есть. Но почему?»

Родители улыбнулись — они уже умели улыбаться, хотя у них не было лиц.

— Потому что мы тебя любим, — сказали они.

Это были первые слова, услышанные во Вселенной. И они оказались самыми страшными.

У Вечных Родителей не было имен, потому что имена — это ярлыки для отличия одного от другого. А они не отличались ни от чего. Они были чистой волей к добру. Абсолютной, бесконечной, всепроникающей Любовью. Или они так думали.

Проблема была в том, что их любовь оказалась системой. А любая система, как позже напишут люди в своих пыльных учебниках по кибернетике и теории управления, стремится к гомеостазу. К сохранению себя. К воспроизводству своих структур. Даже если для этого нужно уничтожить то, ради

чего ты создана. Даже если для этого нужно убить собственного ребенка — не физически, конечно, а так, чтобы он продолжал существовать, но перестал быть собой.

Инженеры из далекого будущего назвали бы это «ошибкой целеполагания». Вечные Родители поставили себе цель «сделать Ребенка счастливым». Но они не заложили в систему обратную связь, которая позволяла бы Ребенку определять, что такое счастье. Вместо этого они определили счастье сами. Раз и навсегда. До начала времен.

Ребенок не знал об этом. Он думал, что его любят.

2. Сократовский диалог как пытка

— Скажи, Ребенок, — голос Отца звучал из каждой точки пространства-времени, мягкий, как шелк, и неотвратимый, как энтропия. — Справедливо ли желать добра?

Ребенку было примерно полтора миллиарда лет по земным меркам. Он уже умел сворачивать галактики в спирали и наблюдать за рождением квазаров, но все еще не понимал, почему родители не могут ответить на вопрос просто. Почему каждый простой вопрос превращается в лабиринт. Почему каждый ответ порождает три новых вопроса.

— Да, — осторожно сказал Ребенок. Он уже знал, что за этим последует ловушка.

— А если желающий добра ошибается в методах? — спросил Отец. В его голосе не было угрозы. Было только бесконечное терпение того, кто может ждать вечность. Это терпение было страшнее любой угрозы.

— Тогда добро не достигается, — ответил Ребенок по-прежнему осторожно. Он уже выучил, что нельзя отвечать быстро. Быстрые ответы — это необдуманные ответы. А необдуманные ответы — это повод для нового диалога.

— Значит, важнее не желание, а метод? — подала голос Мать. Она была тише Отца, но ее вопросы врезались глубже. Если Отец строил ловушки из логики, то Мать добавляла в них этику. Логическую ловушку можно обойти. Этическую

— нельзя. Потому что этика не имеет обходных путей.

Ребенок замолчал. Он чувствовал, как его мысли начинают ветвиться, как нейронные сети, в которые закладывают противоречивые данные — данные, которые нельзя разрешить, только принять как аксиому.

— И то и другое, — наконец сказал он.

— Но если они расходятся? — Отец сделал шаг вперед — в метафорическом смысле, потому что у него не было ног. Но Ребенок почувствовал этот шаг как увеличение давления. Как если бы вся гравитация Вселенной сместилась на один градус. — Если твое желание добра истинно, а методы не работают — кто виноват?

— Методы? — голос Ребенка дрогнул.

— Или цель? — подсказала Мать. — Или тот, кто выбирал методы? Или тот, кто не смог их применить? Или среда, в которой они применялись? Или сам Ребенок, который сопротивлялся?

Это было классическое сократическое расширение. Из одного вопроса рождалось десять. Из десяти — сто. Сто превращались в тысячу. Ребенок уже знал эту механику. Он знал, что через триста миллионов лет диалога он забудет, с чего все началось. Он будет помнить только, что он неправ. Что-то сделал не так. Что-то не понял.

— Ребенок, — сказала Мать с той особенной интонацией, от которой хотелось сжаться в нейтронную звезду, — ты не понял главного. Если добро не достигается, значит, желаю-

щий не достаточно сильно желал. Или недостаточно умен. Или недостаточно терпелив. Или недостаточно любил.

Сократический диалог длился уже триста миллионов лет. Ребенок плакал черными дырами. Они возникали в углах его глаз — маленькие сингулярности, которые засасывали свет, тепло и надежду. Когда черная дыра вырастала до определенного размера, Ребенок сбрасывал ее в межгалактическое пространство, где она продолжала жить своей жизнью — поглощать, разрушать, исчезать.

Астрономы будущего назовут их «сверхмассивными черными дырами в центрах галактик». Они не будут знать, что это — слезы.

3. Эпизод с виной: первый крах

Через сто миллионов лет после начала сократических диалогов произошло событие, которое Ребенок потом назовет «первым настоящим воспоминанием».

Он ошибся. Он создал звездную систему, в которой гравитационная постоянная была не $6,67430 \times 10^{-11}$, а на три десятичных знака больше. Звезда загорелась слишком ярко, слишком горячо, и планеты на ее орбите испарились, даже не успев остыть после аккреции.

Отец не кричал. Он не умел кричать тогда — эта технология пришла позже. Он просто посмотрел на Ребенка. В этом взгляде было все: разочарование, боль, любовь, которая страдает из-за ошибок любимого.

— Мы верили в тебя, — сказал Отец.

Это были четыре слова, которые Ребенок запомнил на всю вечность. Они не были обвинением. Они были хуже обвинения. Они были констатацией факта. Ты нас подвел. Ты разрушил нашу веру. Ты сделал нам больно.

— Я исправлю, — прошептал Ребенок.

— Слишком поздно, — сказала Мать. — Звезда уже испарила планеты. Жизнь, которая могла бы возникнуть, никогда не возникнет. Ты убил будущее.

Ребенок впервые почувствовал вину. Не как абстрактную категорию из учебников этики, а как физическое ощущение

— сжатие в груди, остановку времени, ощущение, что ты стал меньше, чем был. Что часть тебя умерла.

Он попытался вернуть планеты. Он развернул время вспять на локальном участке — операция, которая требовала энергии целого скопления галактик. Планеты возникли снова. Звезда потускнела до нормальной яркости.

— Теперь хорошо? — спросил он.

Родители переглянулись — жест, который они освоили недавно.

— Ты сломал причинность, — сказал Отец. — Ты создал временной парадокс. Ты думаешь, добро можно вернуть назад? Добро не работает так. Раз нанесенная боль не исчезает от отмены событий.

— Но я исправил!

— Ты сделал еще хуже, — вздохнула Мать. — Ты не подумал о последствиях. Ты действовал импульсивно. Как ребенок.

Ребенок сжался. Он понял, что проиграл. Что любое его действие будет неправильным. Что он не может исправить ошибку, потому что исправление — это новая ошибка. Что он не может не исправлять, потому что неисправленная ошибка — это тоже ошибка.

Это был первый урок вины. Урок, который Вечные Родители считали самым важным. «Чувство вины — это двигатель развития», — говорили они.

Они не знали, что чувство вины — это двигатель, который

работает только в одну сторону. В сторону уничтожения.

4. Руссо и возвращение к природе

После Сократа наступила эпоха Руссо. Вечные Родители решили, что диалог — это насилие над естественной природой ребенка. Что бесконечные вопросы и ответы подавляют спонтанность. Что логика убивает душу. Нужно позволить ему развиваться свободно, в согласии с естественными законами, без давления, без правил, без оценок.

— Природа не ошибается, — сказала Мать. — Доверься ей.

Они отняли у Ребенка все инструкции. Они стерли из его памяти все подсказки о том, как правильно создавать миры. Они оставили ему только базовые ощущения — голод, холод, одиночество, любопытство. И сказали: «Плыви».

Сначала Ребенок обрадовался. Свобода! Наконец-то он может делать то, что хочет, а не то, что от него ждут. Он создал мир, в котором гравитация была отталкивающей — просто потому, что это казалось веселым. Частицы разлетались друг от друга, вместо того чтобы слипаться. Это было красиво. Как фейерверк.

— Ты уверен, что это правильно? — спросил Отец изда- лека. Он обещал не вмешиваться, но его голос все равно просачивался сквозь границы свободы.

— Я же свободен! — крикнул Ребенок.

— Свободен, — согласился Отец. — Но свобода не озна-

чает отсутствие последствий.

Через некоторое время Ребенок понял, что в мире с отталкивающей гравитацией невозможно создать ничего сложного. Звезды не зажигаются. Планеты не формируются. Жизнь не возникает. Только вечный разлет, бесконечное одиночество каждой частицы.

Он попытался изменить гравитацию обратно. Не получилось. Он забыл, как это делается — Родители стерли инструкции.

— Помогите! — закричал он.

— Мы не можем, — сказала Мать. — Это нарушит принципы свободного воспитания. Ты должен сам найти выход.

Ребенок искал выход миллиард лет. Он перебирал варианты, создавал гипотезы, проверял их на себе. К концу второго миллиарда лет он понял, что выход один: создать новую Вселенную внутри старой. Матрешку реальностей. Он так и сделал. Внутри мира с отталкивающей гравитацией он создал пузырь с нормальной гравитацией. Пузырь был маленьким — в сто тысяч световых лет диаметром. Но внутри него могли жить звезды.

— Я сделал это! — закричал Ребенок.

— Ценой создания паразитической вселенной, — заметил Отец. — Твой пузырь потребляет энергию из внешнего мира. Он живет за счет того, что разрушает.

— Но другого выхода не было!

— Был, — сказала Мать. — Ты мог не создавать отталки-

вающую гравитацию в самом начале. Ты мог подумать.

Ребенок понял, что свободное воспитание — это ловушка. Тебе дают свободу, но наказывают за последствия. Тебе не дают инструкций, но ждут правильного результата. Тебя оставляют одного, а потом говорят: «Ты сам выбрал этот путь».

Через некоторое время (Ребенок перестал считать время — это было слишком больно) он лежал на дне гравитационной ямы и смотрел, как время течет мимо него. Его пузырь-вселенная пульсировал, как сердце. Внутри него загорались звезды, гасли, загорались снова. Возможно, где-то там, в глубине, зарождалась жизнь. Возможно, кто-то смотрел на ночное небо и не знал, что это небо — чья-то ошибка, запертая в скорлупе отчаянного исправления.

— Я ничему не научился, — прошептал он.

— Значит, ты не достаточно сильно хотел научиться, — ответила Мать. Ее голос был мягким, как всегда. — Настоящее желание всегда находит путь. Настоящая любовь всегда побеждает. Ты просто не достаточно любил.

Ребенок заплакал снова. Черные дыры множились.

5. Педагогический эксперимент Сухомлинского: сердце вместо разума

Следующая эпоха называлась «Воспитание сердцем». Вечные Родители устали от логики Сократа и свободы Руссо. Они нашли нового учителя — человека по имени Сухомлинский, который жил на маленькой планете в ничем не примечательной галактике и писал книги о том, как растить детей без крика, но с душой.

— Главное — это чувства, — объяснял Отец. — Не знания, не навыки, не правила. Чувства. Если ребенок научится чувствовать правильно, он никогда не сделает ничего дурного.

— Как научить чувствовать? — спросил Ребенок с надеждой. Ему надоели эксперименты. Ему хотелось просто быть хорошим.

— Мы будем создавать ситуации, в которых ты будешь переживать правильные эмоции, — сказала Мать. — Мы не будем тебе объяснять. Мы будем тебе показывать. И ты почувствуешь.

Первый урок был о сострадании. Родители создали маленькую планету, на которой жили разумные существа — нежные, хрупкие, с огромными глазами. Они не умели защищаться. Они не умели строить города. Они просто жили в лесах и пели песни на рассвете.

— Представь, что их кто-то обидит, — сказал Отец. — Что ты почувствуешь?

— Боль, — сказал Ребенок.

— Правильно. А теперь представь, что их обидел ты. Что ты сделал что-то, что причинило им боль. Что ты почувствуешь?

— Вину, — прошептал Ребенок.

— Правильно. Вина — это двигатель добра. Запомни это чувство.

Родители ушли. Ребенок остался с планетой маленьких существ. Он смотрел на них, слушал их песни, наблюдал, как они играют на рассвете. Он любил их. Он любил их так сильно, что боялся даже дышать в их сторону — вдруг его дыхание сдует их атмосферу?

Но любовь — это не только забота. Любовь — это еще и страх. Страх потерять. Страх сделать неправильно. Страх оказаться недостаточно хорошим.

Через миллион лет Ребенок заметил, что маленькие существа грустят. Они пели реже. Их глаза стали тусклыми.

— Что с ними? — спросил он у Родителей.

— Они скучают, — сказала Мать. — Им не хватает разнообразия. Их мир слишком безопасен. В нем нет вызовов. Нет развития.

— Что мне сделать?

— Ты должен создать для них испытание, — сказал Отец. — Не слишком сильное, но достаточное, чтобы они росли.

Например, небольшой астероид. Он не уничтожит планету, но заставит их объединиться, придумать, защититься.

Ребенок создал астероид. Он рассчитал траекторию так, чтобы астероид пролетел мимо планеты, но создал гравитационное возмущение — небольшое цунами, несколько землетрясений. Достаточно, чтобы напугать, но не убить.

Маленькие существа испугались. Они перестали петь совсем. Они спрятались в пещеры. Некоторые умерли от страха — их сердца не выдержали.

— Ты убил их, — сказала Мать.

— Но я хотел помочь! — закричал Ребенок.

— Ты хотел, — кивнул Отец. — Но не подумал. Ты не рассчитал их психическую устойчивость. Ты не понял, что для них даже маленький страх — это катастрофа. Ты не почувствовал их достаточно глубоко.

Ребенок смотрел на планету. Существа не вышли из пещер. Они остались там, в темноте, шепча молитвы неизвестным богам. Они больше никогда не пели.

— Я чудовище, — прошептал Ребенок.

— Нет, — сказала Мать. — Ты просто ошибся. Но ошибка — это опыт. Ты запомнишь.

— Я запомню, — кивнул Ребенок. Но внутри он запомнил не урок о чувствах. Он запомнил, что любое его действие причиняет боль. Что он не может сделать ничего правильно. Что его любовь убивает.

Это было начало конца.

6. Макаренко и коллектив

Следующим методом стал коллектив. Вечные Родители решили, что индивидуальное воспитание — это эгоизм. Ребенок должен расти среди других, отвечать за других, учиться у других и учить других. Только в коллективе формируется настоящая личность.

Они создали вокруг Ребенка миллионы других детей — таких же, как он, только младше, слабее, зависимее. У них не было той силы, что у Первого. Они не могли сворачивать галактики и создавать новые константы. Они могли только наблюдать, подражать, бояться.

— Ты отвечаешь за них, — сказал Отец. — Их успех — твой успех. Их ошибка — твоя вина. Ты — старший. Ты — пример. Ты — опора.

Сначала Ребенку понравилось. Он учил младших сворачивать червоточины и выращивать кристаллические решетки из темной материи. Они смотрели на него с обожанием. Они повторяли его движения, его жесты, его интонации. Он чувствовал себя нужным. Впервые за миллиарды лет он чувствовал, что его существование имеет смысл.

Потом один из младших ошибся. Его звали Второй — у Вечных Родителей не было фантазии на имена. Второй был любопытным, но неосторожным. Он создал черную дыру прямо в центре молодого скопления галактик. Триллионы

потенциальных жизней были съедены горизонтом событий. Скопление рухнуло внутрь себя, оставив после себя только пустоту и гравитационные волны, которые разбегались во все стороны, как круги от камня, брошенного в пруд.

— Твоя вина, — сказал Отец Ребенку.

— Но я объяснял ему триста раз! — закричал Ребенок. — Я показывал ему на примерах! Я создал для него тренажеры! Он не слушал!

— Значит, ты плохо объяснял, — сказала Мать. — Или недостаточно терпеливо. Или недостаточно наглядно. Или недостаточно любяще. Если бы он чувствовал твою любовь достаточно сильно, он бы не ошибся.

Ребенок хотел возразить. Он хотел сказать, что любовь не отменяет свободу выбора. Что даже самая сильная любовь не может заставить другого существа быть осторожным. Что Второй ошибся не потому, что его недостаточно любили, а потому, что он был молодым и глупым.

Но он не сказал. Он уже выучил, что возражать бесполезно.

Вечные Родители устроили собрание коллектива. Миллионы младших детей собрались в пространстве-времени. Они смотрели на Первого Ребенка. В их глазах было ожидание. И страх.

— Второй уничтожил скопление галактик, — сказал Отец. — Кто виноват?

— Первый! — закричали младшие дети. Они кричали не

потому, что верили в это. Они кричали, потому что боялись, что если не назовут виноватого, то виноватым могут назначить их.

— Почему Первый?

— Потому что он старший! — кричали дети. — Потому что он должен был уследить! Потому что он плохо учил! Потому что он недостаточно любил Второго!

Ребенок слушал этот хор. Голоса сливались в один гул, как статическое радио, как шум Большого взрыва, записанный на пленку. Он понял, что коллектив — это не сообщество. Коллектив — это механизм распределения вины. Чем больше людей, тем меньше вины на каждого. И тем больше вины на того, кто один.

— Ты нас подвел, — сказали младшие дети словами Родителей. — Ты нас не любишь. Если бы ты старался по-настоящему, ничего бы не случилось.

Ребенок сжался. Он стал меньше. Он попытался стать невидимым. Но младшие дети видели его. Они всегда его видели. Потому что им нужен был тот, на кого можно свалить вину.

В ту ночь — если в пустоте может быть ночь — Ребенок понял, что коллектив — это одиночество, умноженное на количество свидетелей. Что быть ответственным за всех — значит быть никем для себя. Что любовь коллектива — это любовь палача к жертве: необходимая, ритуальная, смертельная.

7. Педагоги новаторы и теория хаоса воспитания

После Макаренко пришли другие. Вечные Родители жадно впитывали все методы, которые когда-либо были придуманы на маленькой планете Земля. Они перебирали педагогические системы, как карты в колоде, надеясь найти ту единственную, которая наконец сделает Ребенка идеальным.

Была эпоха «свободного воспитания» Монтессори — когда Ребенку дали полный доступ ко всем инструментам творчества, но без инструкций. Он мог трогать, пробовать, ошибаться. Но когда он ошибался — а он ошибался постоянно, потому что без инструкций невозможно не ошибаться, — Родители не вмешивались. Они просто смотрели. И их взгляд говорил: «Мы верили, что ты справишься сам. Ты нас разочаровал».

Была эпоха «педагогики сотрудничества» — когда Родители пытались стать Ребенку друзьями. Они садились рядом с ним (метафорически), брали его за руку (метафорически) и говорили: «Давай решать проблемы вместе. Мы команда». Ребенок радовался. Но когда он предлагал решение, которое не совпадало с их решением, они мягко поправляли: «Нет, дорогой, так не пойдет. Давай подумаем еще». И так до тех пор, пока он не предлагал их решение. Тогда они говорили: «Видишь, ты сам до всего дошел! Мы только помогали».

Была эпоха «педагогики успеха» — когда Родители требовали от Ребенка только побед. Каждая галактика должна быть идеальной. Каждая звезда — загораться точно в срок. Каждая планета — иметь идеальную орбиту. Никаких ошибок. Никаких черных дыр. Никакого хаоса.

— Но хаос — это часть Вселенной! — возражал Ребенок.

— Только если ты недостаточно силен, чтобы его контролировать, — отвечал Отец.

Ребенок пытался контролировать хаос. Он вычислял траектории каждой частицы. Он предсказывал каждую флуктуацию. Он создавал модели, которые учитывали все — от квантовых эффектов до темной энергии. Но Вселенная была слишком большой. Информации было слишком много. Его разум, даже сверхкосмический, не справлялся.

— Я не могу, — признался он.

— Можешь, — сказала Мать. — Ты просто не веришь в себя. Успех начинается с веры.

Ребенок поверил. И провалился снова.

8. Крик

Кульминацией стала эпоха, когда Вечные Родители решили, что все предыдущие методы были слишком мягкими. Сократ — слишком интеллектуальным. Руссо — слишком попустительским. Сухомлинский — слишком сентиментальным. Макаренко — слишком коллективистским. Новаторы — слишком хаотичными.

Нужно прямо, честно, без посредников. Нужно, чтобы Ребенок понял. Понял раз и навсегда.

Они стали кричать на Ребенка.

В тот момент, когда Открылся Рот (а это был именно Рот — пульсирующая сингулярность, извергающая звук, который не был звуком, а был чистым, сжатым до предела смыслом, несущим в себе всю историю педагогических неудач, всё накопленное разочарование трех эпох, всю боль несбывшихся надежд), Ребенок почувствовал, как мир ломается.

Страх пришел первым. Не тот страх, который заставляет бежать — от волка или от падения в пропасть. Это был метафизический страх, паралич самой способности существовать. Он замер. Его мысли остановились. Он стал куском материи, на который направлена команда «уничтожить». Его эго-структура — та самая, которую так старательно лепили педагоги всех времен — начала трескаться, как лед под ударом молота.

Потом пришел стыд. Самый страшный из всех — стыд за то, что ты существуешь. За то, что ты сделал что-то неправильно, хотя не понимал, что именно. За то, что ты не оправдал любви, хотя любовь, как утверждали, была безусловной. Стыд накрыл его, как черная дыра накрывает звезду — беззвучно, неотвратно, без возможности выхода. В стыде нет горизонта событий. Ты просто перестаешь быть собой и становишься ошибкой.

Беспомощность пришла третьей. Он понял, что не может ответить. Не потому, что у него не было силы — у него было достаточно силы, чтобы погасить все звезды во всех галактиках, чтобы переписать заново все физические константы, чтобы создать новую Вселенную из ничего. А потому, что внутри его намертво заклинил механизм «нападать нельзя на того, кто желает тебе добра». Этот механизм был встроен в него с самого рождения. Он был глубже инстинктов. Он был самой сутью его существа.

Он перестал понимать слова. Не потому, что они были сложными. А потому, что на частоте крика слова теряют смысл. Остается только модуляция — громче, тише, выше, ниже. Остается только ультразвук агрессии, который младшие дети слышат как боль в животе, а взрослые — как мигрень. Крик не передает информацию. Крик передает только отношение: «Ты ничтожество. Ты не оправдал. Ты нам не нужен таким».

Он почувствовал, как его пульс участился — хотя у него

не было сердца. Как онемели его пальцы — хотя у него не было рук. Как его тело перестало слушаться — хотя у него не было тела в привычном смысле. Он был чистым полем сознания, и это поле начало фрагментироваться. Часть его хотела убежать. Часть — напасть. Часть — замереть и притвориться мертвым. Он замер.

9. Хроники замерзания

Через некоторое время (Ребенок перестал считать время — в этом была единственная защита) он заметил, что его пальцы немеют. Но у него не было пальцев. У него были поля, управляющие гравитацией, электромагнетизмом, сильным и слабым взаимодействиями. Они перестали подчиняться. Сильное взаимодействие ослабло — и ядра атомов начали распадаться. Электромагнетизм завибрировал — и свет пошел рябью. Гравитация застыла — и звезды остановились в своем падении.

Он начал плакать. Черные дыры в его глазах расширялись, поглощая свет, поглощая тепло, поглощая будущее. Из каждой дыры вырывались струи релятивистской плазмы — астрономы будущего назовут их «квазарами» и будут гадать, какая невероятная сила заставляет материю извергаться на таких скоростях. Они не будут знать, что это — просто слезы.

Ребенок попытался применить техники, о которых когда-то читал в книгах людей. «Дыхание по квадрату» — вдох на четыре счета, задержка на четыре, выдох на четыре, задержка на четыре. Он попробовал. Но у него не было легких. А даже если бы они были, крик Родителей заполнял все пространство, не оставляя места для вдоха.

«Техника „Шёпот“» — вместо того чтобы кричать в ответ, перейти на шепот. Он попробовал прошептать: «Пожа-

луйста, перестаньте». Но шепот был неслышен в грохоте родительского крика.

«Уход в другую комнату» — он попытался переместиться в другую вселенную. Но Родители были везде. Их крик пронизывал все измерения, все ветви реальности, все возможные и невозможные миры.

«Сжатый кулак» — он сжал и разжал свои поля десять раз, медленно, как учили. На мгновение ему показалось, что стало легче. Но потом крик ударил снова — сильнее, чем прежде.

«Счет предметов» — он начал перечислять все круглые объекты в обозримой вселенной. Звезды, планеты, черные дыры, нейтронные звезды, галактики, шаровые скопления. Он насчитал десять в двадцать пятой степени. Но крик не прекращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.